

Огненные строчки пулемётные

В цветущем и тёплом мае Россия отмечает великий праздник — 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. Год за годом время отдаляет от нас, сегодняшних, те страшные, тяжёлые и мучительные события, которые пережили наши соотечественники. Но останется навсегда память о той войне. В том числе в произведениях белгородских поэтов и писателей.

Владимир МОЛЧАНОВ

М. Д. Львову

Поэты фронтового поколения,
Спасавшие страну от покорения,
Писавшие не строки мимолётные,
А огненные строчки пулемётные, —
Себя пред вашим голосом уверенным
Я чувствую солдатом необстрелянным,
А перед вашей нежностью и кротостью
Стою я с восхищением и робостью.
Поэты фронтового поколения,
Вы жили все по Божьему велению,
Вам пелось нелегко, и песня — с горестью,
И стали на земле для нас вы совестью.
Привычна вам вполне судьба походная,
Изношена давно шинель пехотная.

Но не забыты — нет! — бои, сражения:
Гремят они в стихах, как продолжение.
Поэты фронтового поколения,
Я думаю о вас не без волнения,
О том, что на земле вы все не вечные,
Но людям, и себе, и долгу верные.
О, если бы в строю одном сомкнулись вы —
Плечом к плечу легко вы прикоснулись бы,
Но строй разомкнут ваш — ждёт обновления,
Осталось от полка лишь отделение.
Поэты фронтового поколения,
Мы ваше молодое пополнение,
Не нюхавшее пороха военного,
Не знавшее потери сокровенного.
Мы зла и горя мало в жизни вынесли,
Но на крови погибших все мы выросли,
И держим мы всегда на вас равнение,
Поэты фронтового поколения.

Снеговик Адольф

Вячеслав КОЛЕСНИК

К началу февраля морозы ослабли, утратили свою неистовую январскую удаль. Снег, ещё недавно слепивший глаза, стал тусклее и под ногами уже не хрустел звонко и бодро, а шуршал. Из такого хорошо лепятся снежки.

— Вот бы фрица какого-нибудь по каске садануть... — подбрасывая вверх и ловя на лету тяжёлый заледевший снежок, сказал Петруха. — Зазвенело бы так в каше, что и фамилию свою нерусскую позабыл бы.

— Вот и садани, — шутиво поддержал друга Витёк. — Вон того, что возле крыльца с автоматом стоит, часового, — он указал на противоположную сторону улицы, где располагался штаб немецкого батальона.

Петруха вздохнул, швырнул снежок на дорогу: — К партизанам надо подаваться, вот что. Мне-то уж скоро двенадцать будет, а я тут... в снежки играю. Годика два прибавлю — и порядок, примут! — Петруха лихо сдвинул на затылок шапку. — А уж там-то я показал бы себя! Там-то я не снежки бросал бы, а гранаты!

— Я бы тоже подался с тобой, — грустно сказал Витёк, — да вот только расти я совсем перестал, хоть годов мне, как и тебе, почти двенадцать, — он с завистью покосился на долговязого друга. — Бабы говорят, что это от голода. Даже если целых три года себе припишу, всё равно не возьмут меня. Остаётся только об одном мечтать — война кабы побольше продлилась, чтобы успел я подрасти.

— Ты что, дурак? — с негодованием воскликнул Петруха. — «Война чтобы подольше продлилась»... Да оставайся ты лучше на всю жизнь недоростком! — Ах так? — И недолго думая, Витёк запустил в Петруху снежком. Завязалась потасовка. Мальчишки то

падали на снег, то вскакивали, мутузили друг друга кулаками... Но дрались они, как обычно, без злобы — какая меж друзьями может быть злоба? Просто захотелось помериться силами, погреться, вот и...

— Петруха! Петька! Мамка зовёт!
Тонкий девчоночий голосок застал катавшихся по снегу мальчишек врасплох. По дороге к ним бежала Нюрочка, младшая Петрухина сестра.

— А к нам какая-то тётка недавно заходила, — вдруг радостно сообщила Нюрочка. — Милостыню просила.

— И что ж тут такого? — разом спросили Петруха и Витёк.

— А она нашей мамке новость по секрету поведала, — переходя на шёпот, сказала Нюрочка. — А я всё слышала.

Мальчишки оглянулись по сторонам, доверительно спросили:

— Ну и что же она сообщила?
Нюрочка улыбнулась, едва слышно заговорила: — Тётка та сказала, что под Сталинградом наши немцев разбили. Сказала, что в пух и прах.

— Ух ты! Вот это да! — радостно, во весь голос воскликнула Петруха и Витёк. — А не брешет она?

— Не, побожилась, — сказала Нюрочка. — И сразу же из деревни ушла. Мне, говорит, дальше идти надо, новость людям сообщать...

И мальчишки, радостно обсуждая услышанную от Нюрочки новость, принялись за дело. Работа спорилась, снежные комья выростали на глазах.

— Работу потяжелей я беру на себя, потому что я без пяти минут партизан!

— И Витёк согласился: ему ни через пять, ни даже через тысячу минут партизаном стать не предстояло. Война-то, видать, к концу идёт, а ему ещё расти да расти... Сегодня Сталинград, завтра Киев, а там и до полной победы недалеко.

— Петь, а ты знаешь, что я придумал? — остановившись, таинственным голосом сказал вдруг Витёк.

— Что?..
— А дай-ка слепим с тобой не просто снеговика, а Гитлера проклятого!

Петруха от удивления открыл рот. О таких снеговиках ему никогда ещё слышать не доводилось.

— А что — давай попробуем! Только надо его побезобразнее сделать, чтобы фрицев за живое задеть! А поставим его прямо вон там, напротив ихнего штаба.

— И в грудь ему меч из фанеры воткнём! — предложил Витёк. — И кровь чтобы текла.

— Обязательно! — громко сказал Петруха. — А на мече напишем «Сталинград»!

— Да не кричи ты, — толкнул его в бок Витёк, — а то будет нам Сталинград. Давай-ка лучше подумаем, как всё это сделать незаметно.

— А что тут думать? Как стемнеет, всё и сделаем.

— Нет, — возразил Витёк, — я по-другому предлагаю. Снеговика мы можем сделать и днём, прямо сейчас. Только сделать его надо обыкновенного — без меча в груди. И пускай он стоит себе так, пока не стемнеет. А остальное сделаем ночью.

— Годится, — согласился Петруха.

— А теперь, — рассудительно продолжил Витёк, — давай вспоминать, как он выглядит, этот Гитлер. Ты его портрет видел?

— Видел, — сказал Петруха, — в хате у Кошки Перегудова. Там у них два офицера немецких живут, они этот портрет и держат при себе. А уж какой он гадкий, скажу я тебе, Гитлер ихний... Глаза, как у жабы, под носом, словно жук навозный, усики торчат, и почему-то без никаких погон.

— И я такого же видел, — сказал Витёк, — на листовках. У него ещё чуб висит как-то неправильно.

Лето сорок первого

Алексей КРИВЦОВ

Памяти брата Андрея

Забыл ты ножичек, и я
Домой за ним вновь возвращался —
Застать надеялся тебя
И потому не попрощался.
И всю дорогу я бежал
Среди дневной жары и пыли.
А впереди гудел вокзал,
И медленно вагоны плыли.
Вот замелькал в глазах перрон...
Бегу вдоль рельсов — всё напрасно:
Ушёл на запад эшелон.
И светофор зажгётся красным...

Валерий ЧЕРКЕСОВ

Память детства

... Одноногий дяденька,
Что рыдаешь ты?..
Одноногий дяденька
Продаёт цветы.
Одноногий дяденька —
Чистильщик сапог.
Одноногий дяденька
Заболел и слёз.
— Одноногий дяденька!
Ордена несут.
— Одноногий дя-день-ка-а!
«Священная» поют.
Эта песня — болью
Навсегда во мне!
Третье поколение
Помнит о войне.

она подснежники несёт на край села.
Там высится могила Неизвестного.
И женщина не знает, чей он сын,
но сердце матери настойчиво и веско
приказывает ей:
— Неси!
Она уверена, что по весенней свежести
другая мать несёт букет цветов
на край села,
где сын, пропавший без вести...
Сын. Неизвестный.
Этой или той?..

Лира АБДУЛЛИНА

Стану я к судьбе лицом,
Стану я судьбу пытаться:
— Где отец?
— Погиб юнцом —
Там бесчисленная рать
Тоже скошена свином.

Взор туманится слезой:
— Ну а где же моя мать?
— За рассветной полосой —
Там бесчисленная рать
Той же скошена косой.

Выхожу я в чисто поле:
— Где же брат мой, где сестра?
— Все они в дружной юдоли.
— Пламя этого костра
Будет жечь меня доколе?
— Пока боль твоя остра.

Стану я судьбу пытаться:
— Долго ль беды мне латать,
Долго ль маяться я буду,
Слёзы горькие глотать?
— До поры, жива покуда.

1969 г.

Иван ОВЧИННИКОВ

Я ей — никто

Ю. Друниной

Я ей — никто. Как мне она.
Она — москвичка, я — курянин.
И не её совсем вина,
Что я под Невелем был ранен.
А с высоты из-под огня
Она меня с такой заботой
Тащила, будто без меня
Ей жить на свете неохота.
И всё твердила:
— Не робей!..
Спросила трижды:
— Ты откуда?
Ах да — ты курский соловей!
(а в «соловье» четыре пуда).
А «соловей» повесил нос
И был, как мокрая ворона...
Но выжил и домой принёс
Себя заместо похоронной
Да память добрую в душе
О той девчонке-синеглазке,
Что, может, бабушка уже
И в누кам рассказывает сказки.

Николай ПЕРОВСКИЙ

Неизвестный

Он часто снится без вести пропавший,
которого семнадцать лет ждала.
Весною ранней,
свежестью пропахшей,

Призначное

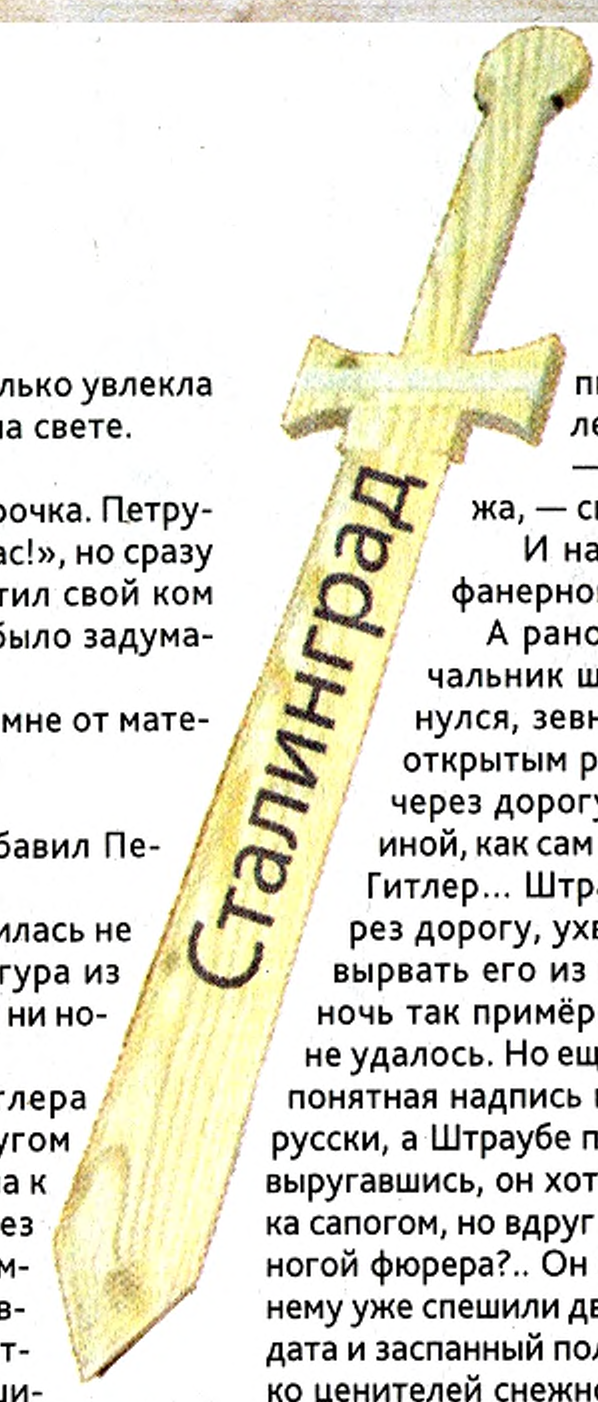
Дмитрий МАМАТОВ

Село моё Призначное
В берёзовом дыму.
Хочу в любви признаться я
Тебе лишь одному.
Заря розовощёкая
На взгорочке крутом,
Здесь детство моё щёлкало
Пастушьим кнутом.
Как сказка без названия —
Левада, зелена,
Ночной звезды дрожание
Да ржание коня.
Колодец наш под ясенем
С кувшином на плетне
Да с солнечными ясными
Осколками на дне.
Просторы с песней милою,
С рассветной бороздой
Да с братскою могилою
Под красною звездой.

Константин МАМОНТОВ

Останусь жив, мне долго будет снится
Глаза крестьянок, полные мольбы,
Когда мы шли от собственной границы,
Бросая их на произвол судьбы.
Как тяжело смотреть мне на стоящих
В печали женщин по краям дорог
И слышать вздох и шёпот губ дрожащих:
«Да сбережёт вас милосердный Бог».

1941, Западный фронт

писать, чтобы ярко было и изда-
лека видно.

— Тогда остаётся одно — са-
жа, — сказал Витёк.

И написали они сажей на грозном
фанерном мече слово «Сталинград!».

А рано утром вышел на крыльцо на-
чальник штаба гауптман Штраубе, потя-
нулся, зевнул... да так и остался стоять с
открытым ртом. В двадцати шагах от него,
через дорогу, стоял с мечом в груди не кто
иной, как сам рейхсканцлер Германии Адольф
Гитлер... Штраубе мгновенно перескочил че-
рез дорогу, ухватился руками за меч, пытаясь
вырвать его из груди снеговика, но фанера за
ночь так примёрзла, что сделать это гауптману
не удалось. Но ещё сильнее вывела его из себя не-
понятная надпись на мече — она была сделана по-
русски, а Штраубе по-русски читать не умел. Громко
выругавшись, он хотел было пнуть, свалить снегови-
ка сапогом, но вдруг передумал, остановился. Пи-
нать ногой фюрера?.. Он оглянулся — со стороны штаба к
нему уже спешили два перепуганных караульных сол-
дата и заспанный полицей. Появились и ещё несколь-
ко ценителей снежной скульптуры — по дороге с ко-
ромыслами и вёдрами шли бабы.

Штраубе, разъярённо тыча пальцем в начертан-
ное сажей слово, гаркнул прямо в лицо полицейу:
— Вас ист дас?

Испуганный полицей едва слышным голосом про-
изнёс:

— Сталинград, господин гауптман...

А Витёк с Петрухой в это время сладко спали на
тёплой лежанке. Петруха видел себя во сне насто-
ящим партизаном, а дружку его снилось, что вырос
он до самой матицы и продолжает расти дальше.

Публикуется в сокращении